

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

http://hram-p.narod.ru/tvorchestvo/Papa_mozhet_vse_chno_ugodno.doc

Если ты хочешь знать Божий Промысл, определи, каков твой христианский долг в той ситуации, в которой ты сегодня находишься.

Промыслом Божиим называется постоянная забота Творца о всем том, что Он создал. Человеку невнимательному и ведущему рассеянный образ жизни представляется, что все течет своим чередом. Все события являются результатом случайного стечения обстоятельств. Такому несерьезному человеку кажется, что Бог, если Он и есть, находится где-то далеко на небе, что Он не интересуется нашим миром, так как этот мир

слишком мал и ничтожен в очах Божьих. Люди, думающие так, относятся к так называемым деистам. Деистическое учение о Боге получило особенно широкое распространение на Западе в последние столетия, когда люди стали терять живой контакт с Богом в Церкви, таинствах и молитве. Такие люди обычно бывают в то же время суеверными. Большое значение придают влиянию звезд на человеческую жизнь, следят за всякими глупыми предметами, например: чтобы кошка не перебежала дорогу, чтобы не рассыпать соль на столе, не здороваться через порог, не спать ногами к дверям и так далее. У некоторых суеверных людей количество таких примет достигает огромного числа. Но напрасно эти люди только усложняют свою жизнь. Если на все эти глупые суеверные приметы не обращать внимания, то будет лучше всего, ибо всем миром вообще и жизнью каждого человека, в частности, управляет Бог.

Бог провидит и участвует в жизни людей, но часто не вмешивается в нашу жизнь видимым образом, чтобы наша свободная воля могла осуществлять добровольный выбор. Промысл Божий означает, что на каждом этапе нашей жизни Господь поставляет нас в такие условия, при которых мы могли бы сделать свободный выбор в пользу добра, правды, справедливости и через это восходить к Небесному Отцу. Впрочем, глубины Промысла Божия непостижимы для ограниченного человеческого рассудка, так что, зная о Промысле Божиим, мы не способны постичь его в полной мере.

Очень часто боли и радости приходят к нам не из нашего прошлого, а из будущего. Бог иногда предостерегает нас от будущего, к которому мы несёмся на всех парах. Промысл Божий как бы ставит нам подножку, чтобы мы упали раньше, чем свалимся в яму, которую ещё не видим. Пусть будет разбита коленка, зато сохраним целой голову.

Один отшельник просил Бога, чтобы Он дал понять ему пути Своего Промысла, и наложил на себя пост. Когда он отправился к одному вдалеке жившему старцу, ему явился в образе инока Ангел и предложил быть спутником. К вечеру они остановились на ночлег у одного благочестивого мужа, который предложил им пищу на серебряном блюде. Но вот удивление! Тотчас после трапезы спутник старца взял блюдо и бросил его в море.

Пошли далее и на другой день остановились у другого благочестивого мужа. Но опять беда! Когда отшельник со спутником стали собираться в путь, принявший их привел к ним малолетнего сына своего, чтобы благословили его. Но вместо благословения спутник, коснувшись отрока, взял душу его. Ни старец от ужаса, ни отец в отчаянии не произнесли ни слова. На третий день они приютились в полуразрушенном доме. Старец сел вкушать пищи, а его спутник сначала разобрал стену, а потом снова заделал ее. Тут старец не вытерпел: «Да ты кто – демон или Ангел? Что ты делаешь? Третьего дня у доброго человека блюдо отнял, вчера отрока лишил жизни, а сегодня поправляешь никому не нужные стены».

Не дивись, старче, и не соблазняйся о мне. Я Ангел Божий. Первый человек, принявший нас, богоугодно поступает, но блюдо то приобретено было им неправдою, потому я и выбросил его, чтобы не потерял он награды своей. Второй муж тоже угоден Богу, но если бы сын его вырос, то был бы страшный злодей. Хозяин дома, где мы остановились, человек безнравственный, ленивый и оттого обнищал. Дед же его, строив этот дом, скрыл в стене золото. Посему-то я и поправил стену, чтобы хозяин его не нашел и через то не погиб. Возвратись, старче, в келью и не мучайся без ума, ибо так глаголет Дух Святой: «суды Господни – неведомы человекам». Посему и те не испытывай их – не будет тебе это на пользу.

Все от Бога, - и благое и скорбное, и недостойное; но одно - по благоволению, другое - по домостроительству, третье - по попусшению. И по благоволению, - когда живем добродетельно, ибо угодно Богу, чтобы проводили мы жизнь безгрешную, жили добродетельно и благочестиво. По домостроительству, - когда, впадая в ошибки и погрешая, бываем вразумляемы; по попусшению же, - когда и вразумляемые не обращаемся.

Все люди должны твердо знать, что только Бог есть источник счастья, мира и блаженства. Утешения и радости видимого мира Господь создал для нашей телесной природы. Но человек, пользуясь всем с умеренностью и обладая разумной душой, не должен забывать Бога. Ведь душа ничем земным и вещественным удовлетвориться не может. В большинстве же случаев так получается, что мы с какой-то ненасытностью удовлетворяем наши телесные пожелания, о душе же и о ее духовных нуждах совсем забываем. Для нашего спасения, Господь допускает, чтобы нас постигали различные скорби. Страдая, мы начинаем понимать суетность нашей земной жизни и обращаемся к Богу за вразумлением и помощью.

Страдая, мы должны твердо верить, что Бог бесконечно благ и что Он хочет только нашего вечного счастья. Потому мы должны с благодарностью принимать от Него различные испытания. Ведь и дети не перестают любить родителей, когда эти их наказывают, ибо чувствуют, что родители это делают ради их же добра.

Ангелина

Кстати:

Промысл Божий (слово промысел - относится к ремеслу; народный промысел, но промысел Божий) непрестанное действие в мире всеблагой, всепремудрой и всемогущей воли Божией, все обращающей ко благу и направляющей к вечному спасению каждого человека в отдельности и человечество в целом.

Хочется завершить статью о промысле Божиим современной былью.

И Промысл Божий не обижает никого...

Эту историю я не просто выслушала, а была её очевидцем. Так совпало, что оказалась я в городе своего детства и юности вместе со школьной подружкой Инной. Я по делам приехала на несколько дней, а она маму навещала. Остановились мы обе у её мамы и провели там несколько дней.

Маму у Инны звали Надеждой, и была очень доброй и приветливой. Но был у неё один недостаток – она сильно пила. Инна свою маму оправдывала её тяжёлой неудавшейся жизнью.

И на самом деле судьба у Надежды была – не позавидуешь. Родилась она в годы войны, отец погиб на фронте, так никогда и не увидев дочурку. Росла с пьющим отчимом. Когда девочке было шестнадцать лет, пьяный отчим пытался изнасиловать её, и Надя ушла из дома в общежитие. Школу толком не закончила, профессию не получила... Работала то посудомойкой в столовой, то уборщицей.

Не сложилась и семейная жизнь. Муж вскоре после свадьбы загулял, к юной жене относился с пренебрежением. А вскоре и бросил её одну с дочуркой без всякой поддержки. Надя растила Инночку одна, к дочке относилась хорошо. Покупала ей еду и одежду. А все оставшиеся копейки стала тратить на выпивку, забываясь после работы и топя в вине свою тоску и своё женское одиночество.

Инна рано уехала из дома, выучилась, завела семью. Мать не бросала, навещала, помогала. Но та продолжала спиваться. И вот сейчас Надежда позвала дочку, чтобы попрощаться с ней перед смертью – разболелась она сильно и почему-то была уверена, что умирает, хоть ей и семидесяти ещё не было.

Когда мы зашли в квартиру, то Надежда встретила нас трезвой: ждала дочку, не хотела расстраивать. По обстановке видно было, что хозяйка маленькой квартирки – человек пьющий. Тем трогательнее было её старание скрыть свою страсть к вину, встретить нас радушно. Из старого шкафчика она достала такие же старенькие, облупившиеся чашки. Правда, ручки у чашек были отбиты, но было понятно – это для гостей. Сама хозяйка пила чай из закопчённой кружки.

Я присмотрелась внимательней к Надежде. Помнила маму подружки ещё со времён школы: милое и приветливое лицо, добрые глаза, но под глазами – мешки пьющего человека, седые, кое-как подстриженные волосы, почти нет зубов, руки трясутся... А сейчас ещё и ноги болят, и желудок, и сердечко. Видимо, посадила сердце-то пьянством своим. Да, жалко человека...

Инна маме подарок привезла. Ей, узнав о болезни мамы, привезли с Афона поясок, освящённый на поясе Пресвятой Богородицы, и маслице из Ватопедского монастыря. А я как раз незадолго до этого в Оптиной стала свидетельницей, как такой же подарок муж жене с Афона привёз. Нужно сказать, что на Афоне в Ватопедском монастыре святого маслица обычно наливают совсем чуть-чуть, не как у нас – полный пузырёк. Поясок тоже – небольшая ленточка. Так вот, приехал муж с Афона и привёз жене эти святыни. А жена берёт в руки святое маслице, делает недовольное лицо и говорит:

– Как масла-то мало! Уж не мог побольше, что ли, привезти? Столько наливают? Экономят, видимо! А чего поясок такой маленький?!

А теперь я стала свидетельницей того, как Инна вручила такие же святыни своей маме. Надежда побежала мыть руки, а потом, чуть дыша, приняла пузырёк со святым маслом и прошептала:

– Это мне?! Господи, неужели это мне, такой грешнице, столько святого масла налили?! Доченька, счастье-то какое! А это что – поясок?! Ах, да это же целый пояс! На поясе Пресвятой Богородицы освящённый?! Да я же недостойная такого дара, доченька милая! Да как же я это надеть-то посмею?!

И она заплакала, неловко стирая слёзы кулачками и по-детски шмыгая носом.

– Понимаешь, – шептала мне вечером подруга на обшарпанной кухне, – сколько себя помню, я всегда испытывала к маме глубокую жалость. Вот не везло ей в жизни, и всё тут. Отчим-пьяница надругаться хотел, муж бросил без помощи и поддержки. Профессии нет, куда работать ни устраивалась – везде всё шло не так. В счётном отделе обвинили её в краже – она ещё совсем молоденькой была, рыдала ночи напролёт, даже руки на себя наложить хотела. А потом нашли истинную воровку, та на другой краже попалась, а перед мамой и не извинились толком. В больницу санитаркой устроилась – отделение через год закрыли...

И так всю жизнь. А у неё ещё характер такой слабый... Вот бывают люди – как дубы. Или как берёзы. А её я всю жизнь представляю такой тоненькой осинкой – дрожит на ветру, клонится... Нет у неё опоры никакой в жизни. Сколько раз я её к себе взять хотела! Но она не едет. Знает ведь, что пьёт сильно и бросить не сможет, вот и не хочет мне жизнь портить...

Ну скажи, почему так? У некоторых людей всё хорошо в жизни складывается: и родители, и семья, и работа. А у моей мамы вся жизнь какая-то нескладная. Вот сейчас помирать собралась – и что? Как бы пьяная-то не умерла...

Почему вся её жизнь – как черновик? Почему не удалось ей реализовать ни доброту свою, ни отзывчивость? Характер слабый? Так ведь если человек слабый, то он не может стать сильным. В чём её вина? Почему она так несчастна?

Я молчала. Что я могла ответить? Потом пробормотала утешающе:

– Инна, ну вот она в тебе свою доброту реализовала, вырастила тебя. И ты её любишь. Ведь любишь? Ну вот. И потом: кому много дано, с того много и спросится, а кому мало дано, с того – мало... Господь видит все обстоятельства жизни человека, у Него, может, к твоей маме и спрос другой – кто знает?

Утром Надежда вышла к нам задумчивой и серьёзной. Она медленно сказала:

– Доченька, маслом я, недостойная, помазалась и поясок посмела на себя надеть. И вот лежу я утром на кровати, а мне так отчётливо – голос не голос, мысль не мысль, не могу сказать, только, знаешь, доченька, а я ведь, похоже, некрещёная...

– Как это некрещёная, мам?! Никогда ты об этом не упоминала! А в прошлый раз я приезжала, ты болела, так мы к тебе батюшку звали! Вспомни! Ты ведь соборовалась! Как ты могла вдруг вспомнить, что некрещёная?!

– Не сердись, доченька... А как надела я поясок и помазалась маслицем, так у меня всё в голове и прояснилось. Так прояснилось хорошо, понимаешь? Я до этого и не замечала, что в голове у меня как будто туман. А вот когда прояснилось – тогда и поняла. И знаешь, так вдруг ясно всё вспомнила! Детство, маму... Я когда родилась в сорок третьем, у нас в округе ни одного храма открытого не было. А потом я заболела сильно, а мимо деревни шёл старичок какой-то. Я вот сейчас вспомнила, как мама говорила, будто он пошептал надо мной что-то. Так ведь пошептал – это не окрестил?! И мне так ясно представилось, доченька, что некрещёная я.

– Ну, мам, вот это да! Вот это ты нас озадачила!

Стали мы с Инной думать, что делать. Позвонили в Оптину Пустынь наставнику своему духовному (игумен А. – братский духовник, молитвенник). Спросили у батюшки, как поступить. Он ответил, что помолится и на следующий день даст ответ. И действительно, на следующий день отец А. твёрдо сказал, что маму нужно крестить.

Повели мы Надежду в храм, храм совсем рядом с домом, но она еле-еле дошла. Совсем занедужила... Священник вышел, глянул на неё и говорит:

– Помню я вашу маму, я ж её соборовал! Чего это вы удумали?! Как некрещёная?! Ну, не знаю...

И – к Надежде, строго:

– Почему вы хотите креститься?

А Надежда вдруг кланяется ему в ноги и просит:

– Батюшка милый, окрести меня Христа ради!

Священник смягчился. Помолчал. Потом спрашивает:

– Веруешь ли в Пресвятую Троицу? Что такое Троица?

Мы с Инной испугались: что бабушка ответит? Всю жизнь пила, что она может про Пресвятую Троицу сказать-то? А наша бабушка голос возвысила и твёрдо отвечает:

– Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой! Верую во Единого Бога Отца Вседержителя... – и начинает твёрдо Символ Веры читать.

Я смотрю на Инну, а она от удивления аж рот раскрыла. Я ей шепчу:

– Подруга, ротик прикрой. Мама твоя – молодец!

Тут и батюшка говорит:

– Мы, вообще-то, без огласительных бесед не крестим взрослых, но, принимая во внимание болезнь вашу... В общем, в субботу жду вас к часу дня на крещение.

Привели мы Надежду домой, а ей совсем плохо, мы с Инной боялись даже, что не дожждётся она субботы, решили, если что, священника на такси привезти. Но ничего, дождала она до субботы и даже своими ногами в храм пришла, правда, кое-как, поддерживаемая нами с двух сторон.

Началось крещение, вот уже и в купель пора, а священник воду потрогал и расстроился: забыли алтарники воду-то подогреть в купели. Слышу, Инна маме шепчет:

– Мам, я в святом источнике в январе купалась, а тут вода всё равно комнатной температуры. Ты уж полностью окунись, ладно?

Смотрю, Надежда головой кивает – согласна, дескать.

Завели мы её в купель, батюшка её окунул трижды, а потом она чуть оступилась, а он решил, что бабушка сознание теряет. Испугался и подхватил её крепко. И мы с Инной подхватили. А она улыбается и говорит:

– Ничего, ничего, это я просто оступилась немножко.

А у батюшки, когда он её подхватывал, в руке ковш был. Он и забыл про него. А тут мы Надежду выводим из купели, а она так радостно и говорит:

– Ах, счастье-то какое! А и хорошо же вы, батюшка, меня ковшиком-то приложили! Это мне как раз по грехам моим подходит! Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Мы все трое оборачиваемся, смотрим на нашу бабушку, а у неё на лбу прямо на наших глазах шишка такая здоровая растёт, и даже кожа рассечена немного ковшом тяжёлым. Священник аж за сердце схватился: сначала вода оказалась холодной, потом крещаемую по лбу приложил...

– Матушка, простите меня, я же вас ковшиком ударил!

– Батюшка дорогой, мне по моим грехам ещё больше причитается!

Вот так и окрестили мы нашу Надежду.

Вышла она из купели, оделась, пошли мы из храма, слышим, за свечным ящиком старушка ворчит:

– Везёт же некоторым! В конце жизни окрестятся – им все грехи предшествующей жизни простятся, и чистенькими к Богу идут!

Инна с Надеждой улыбнулись только. Вышли мы на улицу, идём домой. Уже к дому подходим, как вдруг понимаем: бабушка-то наша своим ходом идёт, без поддержки, да как идёт – чуть не вперёд нас летит!

Назавтра ещё раз сходили мы в храм: батюшка благословил Надежде причаститься. И снова она шла без поддержки – так, как будто выздоровела полностью.

Мы с Инной уезжали на следующий день, и Надежда напекла нам пирогов с картошкой. Она провожала нас на вокзале, долго махала рукой. А я смотрела на её помолодевшее лицо, ставшие ясными глаза, и удивлялась: «Какова же сила Таинства Крещения!» И Промысл Божий не обижает никого...